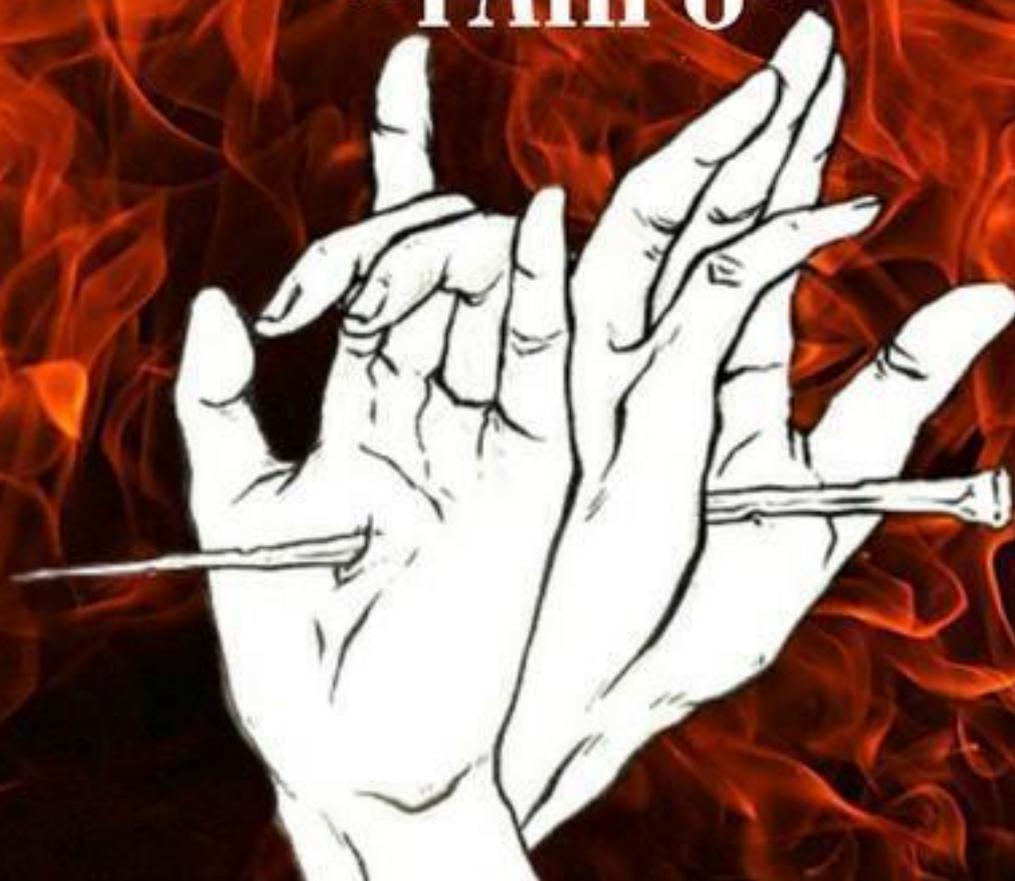

ТОВЛ

ОНИ ЗОВУТ ЭТО

Страстный танец запретной любви

«ТАНГО»

Сова Илана (IOWI)

Они зовут это Танго

«АСТ»

(IOwl) С. В.

Они зовут это Танго / С. В. (IOwl) — «АСТ»,

Роман писательницы Иланы Совы (IOwl) «Они называют это Танго» о страстном танце, распускающемся на паркете алыми бутонами столь желанной, но запретной любви. Сова — глухонемой сирота, который полюбил танцы. Живя на улице десятилетний мальчик, смотря программы на ВВС через витрину магазина техники, понял, что «не слышать мир» это не окончательный приговор. Он нашел что-то большее в картинке, которая стояла перед глазами и приобрел мечту стать изящным танцором. В шестнадцать лет он впервые вышел на паркет Открытого чемпионата по латине, показывая и партнеру, и зрителю характер своего танго.

© (IOwl) С. В.

© АСТ

Глава 1: Танцующий с тенью.

Дождь барабанил по стёклам магазина спортивных товаров, у которого я часто сидел, смотрел в окно, то на лакированные мужские туфли с вытянутым носом и двухсантиметровым каблуком, то на такие же туфли только с маленьким отличием: они были белыми и женскими, обтянутые белой тканью с ленточками без каблука. Я слышал по программе, которую передавали в четверг на канале ВВС, что женские туфли, выставленные на полке этого спортивного магазина, Эшли Торнбери – ведущая программы о спорте, называла «пуанты¹», а потом говорила с искренним блаженством о «балете²». Спорте, в котором использовались пуанты. Юные «балерины» надевали на свои тонкие длинные ноги картонные балетки, затем вставляли на носочки и в белой юбке, поднятой до талии, танцевали «Лебединое озеро³» Чайковского. Им было от шести до двенадцати лет.

Среди них выделялась стройная фигура начинающей «примы» сего танца, Людмилы Торосенко, приехавшей из России, дабы покорить большую сцену. Сцену театра, где каждый талантливый человек хотя бы раз в жизни хотел оказаться. Танец, который они танцевали под лирическую музыку, исполняемую оркестром, сидящим в оркестровой яме, напоминая пруд, где плавали лебеди. И только два лебедя, гордых, передавали о любви, о страшной любви стремления и победы.

Я смотрел на экран, прилипнув к стеклу витрины магазина технического оборудования, одетый в грязную майку и шорты, найденные в мусорном баке для «бедных», куда богатые часто жертвовали обноски, из которых их дети выросли или которые им уже были не нужны, в следствии «моды». Мои карие глаза расширялись с каждым движением, сделанным танцовщицами на экране. Сердце сжималось, грудь сдавливалась, дыхание было почти не слышимым и когда они выходили на поклон, я выдыхал теплый воздух изо рта, а владелец магазина, Грю МакКартни, пухлый по комплекции, сорока двух лет, открывал дверь и осматривая почти пустую улицу, оборачивался в мою сторону и с прищуром говорил:

– Если ничего не покупаешь, то вали нахер, сраный бедняк!

В его тоне всегда можно было проследить раздражение и злость. Скорее всего, он злился на покупателей, которые редко посещают его магазин. Я понимал это по густым бровям, которые опускались в форму «домик».

И заметив сколько времени, глянув через его широкое плечо на настенные часы, показывающие час дня, я побежал в сторону своего дома – Бэд-стрит, квартала спального района, где было полно таких, как я. Брошенных на улице по непредвиденным обстоятельствам, вынужденных лишиться квартиры с теплым обогревателем. Здесь жили не только бедные люди, сбежавшие на улицу из-за личностных проблем, обид или зависимостей, но и люди с образованием.

Например, Сью Макрона. Ей уже сорок два года, у нее есть старший сын и дочь, живущие в ее квартире, полученной от НИЦ. Она закончила университет и шестнадцать лет работала в НИЦ лектором. Однажды пришла программа сокращения и ее уволили, не обращая внимание на рекомендации и резюме от известных профессоров, играющих большую роль в принятии на работу. Или Шион Летпер, ему двадцать два года. Он закончил уже медицинский колледж, получил образование в одном из крупных университетов города мечты Нью-Топии, но из-за недостатка специалистов в его профессии, в которых больше не нуждается ни одна компания, он живёт на улице, ища другие способы существования. И, насколько я помню, он трудиться практически «за бесплатно» грузчиком вагонов с провизией. Если Сью есть куда вернуться с улицы, то Шиону некуда возвращаться, так, как квартира, взятая в ипотеку, была отобрана банком за невыплату, а его банковские счета полностью заморожены. Вот он и живёт на улице, в спальном районе Бэд-стрит, подбирая бутылки, одежду и еду, испорченную, с истекшим сроком годности.

Как и все остальные.

В час дня приезжали социальные работники различных компаний, предоставляющих услуги волонтерства, и помогали нам – беднякам из трущоб. Они привозили новые вещи, купленные на пожертвования богачей, еду, которая, по их словам, «была полезна» и оказывали медицинские услуги, которые нам были недоступны по присужденному статусу «выходцы из трущоб».

Я пользовался лишь первыми двумя услугами, а третья всегда портила мне настроение, потому что каждый врач из раза в раз повторял: «Ваше состояние ухудшается, мистер безымянный, вашу глухоту невозможно излечить, но мы можем дать вам конфету за то, что вы были послушным мальчиком на нашем приеме».

И они бесили своим излишним дружелюбием. Но я сбегал после обеда не по той причине, что какие-то дяди с тетями говорили мне про мою болезнь так, будто наступил конец всего, а из-за того, что мне надоело слушать одну и ту же новость.

– Полные карманы денег жмут и натирают, поэтому их нужно тратить и если уже некуда девать, то, словно плюя в нашу сторону, они отдают свои деньги фондам, которые привозят нам вещи из секонд-хенда, убеждая ораторским искусством, что эти вещи – писк моды. На деле же, мы носим чьи-то обноски, которые в отличие от мусорных баков, постираны. Пахнут лавандой и ванилью, а еда... просто дешёвая похлёбка, в которой есть крысиная отравка. – Дюрсан Грегори, человек со стеклянным глазом, приходящий сюда каждый день ради бесплатной еды в ушанке и светлом пиджаке, говорил с некой обидой на мир.

Никто из нашего района не знал этого человека, но о нем ходило множество нелестных слухов. Каждый день, в час дня, получая порцию той самой похлёбки с ломтиком засохшего хлеба, он уходил в сторону деревянного ящика, укрытого газетой и сев, перекинув ногу на ногу, жадно откусывал от хлеба куски, набивая щеки похлёбкой. Его небритая щетина покрывалась жидкостью, которую он сметал грязными невымытыми руками. Столь же нищие, как и этот человек без глаза, шептались между собой, что в прошлом он убил жену и ребенка, отсидел четыре года в тюрьме Нью-Топии и вышел по УДО, а когда вернулся, то ни квартиры, ни денег, ни работы и как следствие, оказался в районе, где никто этому миру не нужен.

Было ощущение, что он крот. Животное, не любящее свет. Огромная слепая крыса, живущая под землёй. Так о кротах высказывалась Люсьен Жоне, многодетная мать, приходящая в спальный район за одеждой, которую не могла приобрести на свой копеечный заработок.

Она говорила, что ее дети заслуживают лучшего, чем то, что может обнищавшая шатенка в изодранном платье дать им. Пару раз даже пыталась сдать их в приютский сирот, вот только дети сбегали и прибегали к ней, обратно. По их словам, там было еще хуже, чем с ней.

У нее было пятеро детей, муж, как она говорила «спился и сох, оставив ее одну, бороться с несправедливостью гребанного мира с прицепом в виде пятерых маленьких ягнят». Ее детям было от шести до десяти лет и некоторые из них работали. Кто продавал кукурузу, кто зарабатывал на репетиторстве, а кто выпрашивал невинными глазками у прохожих деньги, молясь Богу во имя спасения. Старшая дочь Люсьен, Джоана, играла на скрипке в переходе метро на Альва Авеню. Старшие заботились о младших, а младшие помогали старшим, но все заработанные деньги, они клали в свой деревянный ящик с надписью «НА УЧЕБУ». Их квартира располагалась на Бридж-стрит, в километре отсюда.

Иногда она их избивала по причине употребления алкоголя. Бутылку в руки ее заставляло брать отсутствие возможности расслабиться. Она могла позволить себе такую роскошь, как вино, только в воскресенье последнего месяца, когда ей приходил чек на потерю кормильца. Говорят, ее муж погиб на службе. Он был полицейским. В остальные же дни, она торговала на рынке свежей рыбой, которую ловила в реке Ландж, что протекала мимо их дома. Благодаря лицензии на ловлю рыбы, которую Люсьен купила в одном из подпольных магазинов за двадцать центов, никто не мог выписать ей штраф за незаконную ловлю. С каждого заработка, Люсьен откладывала в белую коробку из-под печенья десять евро, а пять евро размени-

вала на серебряные монеты и на них, экономя, покупала картофель и белый хлеб, оплачивая кредиты и долги своего мужа, а также задолженности за электричество. Зимой, когда наступал холод, Люсьен своих детей закутывала во все, что было в доме. Обогреватели они включали только раз в год – на празднование Нового Года. Остальные же дни все братья и сестры, прижавшись друг к другу, одетые в несколько слоев одежды, укрытые несколькими одеялами, ложились спать или сидели, делая до поздней ночи уроки.

Они ходили в христианскую школу имени св. Петра с воскресной службой. Их учили читать, писать и обращаться к Богу. Джоану Жоне, помимо обычных уроков, приняв в церковный оркестр, учили играть Евангелию по нотам, созданным для органа.

Я подошёл к столу, где две пожилые леди с оскалом, на вид грубые, раздавали еду и получив отвратительно пахнущую похлёбку с засохшим ломтиком хлеба и совершенно безвкусным крепким чаем, сел на ящик из-под пива, деревянный, стоявший возле сливной трубы ветхой постройки.

Вздохнув, привыкнув уже к такому запаху, я начал ее есть. На вкус она была ещё отвратительнее. Рвота подступила к горлу. Солено-сладкая жижа с тухлой болотной рыбой, которая горчила и недоваренными овощами. К тому же, мне попадались рыбы кости.

Бродячая дворняжка, собака со сломанной лапой и серой шерстью, подбежала ко мне, скуля. Она нюхала сперва спальный мешок, не принадлежащий мне, обсосанный. Затем мои ноги, и сев напротив меня, виляя хвостом, молча, глазами выпрашивала похлёбку.

Ей было все равно что класть в рот, лишь бы это было съедобным.

Я оглянулся и пока никто не видел, поставил одноразовую тарелку на землю, а сам съел ломтик хлеба, запивая его тем самым черным безвкусным чаем в пластмассовом стаканчике. Собака встала, нагнула мордочку, понюхала и только потом стала хлебать из тарелки не очень-то и вкусную, для людей, еду.

Мистер Летпер говорил, что еда, которую нам дают только на корм собакам и годиться.

Я слез с ящика, оставляя пластмассовую посуду, и побежал обратно к магазину Грю МакКартни, что в это время, обычно, читал газету, попивая кофе за стойкой на которой стоял кассовый аппарат.

И пялясь в экран телевизора, не слыша ни проезжающих машин, ни звон велосипеда, я, прижавшись, смотрел на театральное выступление сольного артиста балета.

Меня заворожило происходящее в его танце, который принадлежит только ему, Полу Джексону. Происходило в нем следующее: повествование, созданное по сказке «Маленький Принц⁴» Антуана де Сент-Экзюпери.

Пол Джексон, как я понял, прочитав по губам юной леди, ведущей прямой эфир с премьеры, был известным балетмейстером⁵. Он был около 185 см роста, одетый в обтянутую одежду, выделяющую линии тела. Посмотрев на свою худощавость, я хмуро вернулся к экрану, смотря не на то, что было передо мной, а то, что было за гранью зрения. На танец, говорящий мне про маленького мальчика. Он подпрыгнул над землёй. В этом прыжке я видел лишь изящность. Красивую грациозность воздушной лёгкости, когда мечта наконец-то начала сбываться.

Он, словно парил в воздухе.

Миг. Секунда. Две. Три. Он висел в воздухе, а затем быстро закружился, делая поклон. Статный, уверенный, джентельменский поклон, благодаря им смотрящего.

Я не понял того, что тогда произошло на экране, но почему-то представил, что стою там, вместо него, этого Пола, и делаю столь же прекрасный реверанс. И публика приходит в неистовство.

Аплодисменты и цветы падают к моим ногам, а из зала доносится громкое:

«– Bravo!», «На бис!», ...

Увлеченно я читал по губам каждое слово, произносимое им в этом маленьком ящике:

– Говорят, что танцы – это удовольствие для богатых, как вы считаете?

– Я думаю, нет никакой разницы какой ты человек. Я тоже рос в большой семье и денег было, ну понимаете, так себе, но уже с детства, увлекшись танцами, работая курьером три года, я смог накопить достаточно. И в один прекрасный день я решил посетить балетную школу, набирающую учеников. Мне лишь нужно было станцевать в такт с музыкой. Передать ее смысл. Нервно ожидая ответа, я стоял возле стены, а затем, когда вывесили на доску объявлений листок с именами прошедших, я ощущал, как из-под моих ног уходит земля. Мне было страшно от того, что я увидел там свое имя. Но, через пару дней страх прошел и годы упорных тренировок позволили мне стоять на этой сцене, поэтому не важно, что ты за человек. Если хочется танцевать, то танцуй. – Пол, улыбаясь, говорил уверенно.

Его уверенности хватило мне, чтобы понять, что я хочу стать изящным.

Изящным гордым лебедем, который может с такой же уверенностью в будущем говорить, что невзгоды сделали меня сильным: таким человеком, который имеет честь стоять на великой сцене и танцевать перед широкомасштабной публикой, различной, представляя больше не себя, а мир, который до окончания моих дней будет преследовать меня.

Мир, где нет ни единого звука.

И как сказал Пол, мне нужен был учитель. Хороший учитель, который помог бы мне раскрыть то, что начало жить внутри меня после того, как я оказался втянут в мир танцев на моральном уровне.

Бальных танцев, отличающихся тонкостью чувствования. Там, на этой сцене, люди все, как один говорят:

«– Смотри на меня! Смотри на меня! Смотри на меня!»

И от этого, от их проедающего взгляда, заставляющего меня сдерживать дыхание, от их напряжённой борьбы за красоту ни внешности, а тела от которой у меня перехватывает дух, от их красивых нарядов,двигающихся в такт с музыкой и широких шагов, плавных, тающих, от которых все внутри меня застывает, я уже, кажется зависим. И скорость, с которой они проносятся сквозь меня заставляет думать, что весь мир под моими ногами – сцена.

И я выдыхаю воздух в вечернее небо.

***

Тучи сгущались пока я искал ночлег. И дождь внезапно пошел. Живот урчал, прося что-то закинуть в себя, но я игнорировал его, повторяя во время бега, пытаясь избежать дождя, прыжки. Прыжки, которые я видел на той сцене в телевизоре. Я пытался набрать скорость, прыгнуть и вывернуть свое тело, чтобы это было красиво. Элегантно и изысканно, но... как только я прыгал, я забывал.

Забывал, как сделать следующий шаг, потому что его я делать совсем не умел. Правильнее будет сказать, что я не знал, как это делать и ударился об грязь лицом, в прямом смысле этого слова.

Мое зрение запомнило картинку, которая стояла перед глазами. Увиденный момент. Но разумом я не понимал, как повторить его. Я не знал, как сделать так, чтобы запомниться человеку, смотрящему на меня в зрительском кресле.

Его суровый взгляд, когда я представлял, силуэт критично настроенного по мышлению зрителя своего произведения: тела, то смотря в напряженный взгляд, я терялся.

Мне было стыдно. Некомфортно. Тело сжималось, мышцы отказывались растягиваться так, как нужно было. И я падал, выбиваясь окончательно из сил.

Моей проблемой являлось не только не знание правильности действий, а не знание танца, как своего естества.

Танец был языком тела, а из языка тела я знал только жесты, помогающие мне общаться с людьми, что встречаются на дорогах сегодняшнего мокрого города – Нью-Топпи.

Дождь смывал с меня ее, грязь, оставляя ссадины. Когда он усилился и ноги окончательно разъезжались, я сел на шпагат. Мне было больно.

Из программ ВВС я понял, что боль для танцоров – обыденная практика и ее нужно перетерпеть, но они эту боль получают и знают, как вылечить, потому что с ними рядом есть опытный человек, а я просто случайно приобрел эту боль.

Я был не готов к ней.

Желание быть нарастало во мне. Но этот вой никто не услышит.

Я испытывал боль в тазобедренных мышцах, ноющих с первых секунд. Было ощущение, что они рвутся, словно бумажный пакет. От попыток встать боль усиливалась. От попыток встать она становилась лишь ярче, усиливая свой эффект. Онемение чувствовалось при шагах, сделанных мною с хромотой после того, как я смог встать, но они давались с трудом. И я пришел к магазину спортивных товаров, расположенном не так далеко от района, где меня кормили ежедневно не вкусной едой.

Там была крыша. Я спрятался под ней от дождя, посмотрел в окно и увидел обувь, которая была на балеринах, танцующих «Лебединое озеро». Я положил руки на подоконник, сгорбил спину и смотрел. Мне хотелось потрогать их. Ощутить на ощупь то, что издали казалось бумагой, а затем я обратил внимание на туфли, стоящие на соседнем стеллаже. Мужская лакированная обувь. По телевизору возле кассового аппарата показывали фильм Чарли Чаплина. Он танцевал в этих самых ботинках.

Отбивал каблучки об пол, с некой грустью в безразличии своего комического образа, делая широкие скользкие шаги по полу, возвращаясь в центральную точку, чтобы совершить «бег на месте», быстрый перебор ногами, торопливые шаги, иногда поглядывая на наручные часы, которых он не носил.

Он был грустен, но безразличен, выпячивая задницу, чтобы танец выглядел и «смешно», и «правдиво».

То, что он делал называлось «чечетка» или «степ⁶».

Я пытался приглядеться, чтобы увидеть детали, но прищур не помогал, а окна потели от каждого вдоха. Их приходилось протирать руками.

***

Однажды продавец магазина спортивных товаров посмотрел в окно и увидев меня, отложил журнал, наблюдая за тем, что я делаю. Пока его телевизор показывал рекламу, я во всю пытался сделать тот прыжок Пола, но в итоге, садился на шпагат. А потом, вставая с прихрамыванием, опирался на подоконник витрины и смотрел на Чаплина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.